

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В СИСТЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ИНВЕСТОРАМИ И ГОСУДАРСТВАМИ: МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЖЕСТКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

О.А. Киселева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 декабря 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2026 г.

Ключевые слова

Совмещение ролей, конфликт интересов, инвестиционный арбитраж, независимость, беспристрастность, арбитр, легитимность арбитража, система урегулирования споров между инвесторами и государствами

Предложен комплексный взгляд на проблему совмещения ролей в инвестиционном арбитраже, с особым акцентом на причинах возникновения и дихотомии последствий данного явления, учитывая объективную разницу между данным видом международного правосудия и международным коммерческим арбитражем, от которого произошло заимствование механизмов современной системы разрешения инвестиционных споров. Для обеспечения независимости и беспристрастности арбитров рассматриваются предложенные в рамках реформы механизмы ужесточения регулирования вопросов специализации в противовес многофункциональности, их положительные и отрицательные стороны, в том числе в сравнении с практикой Международного Суда ООН.

DOUBLE-HATTING IN THE INVESTOR-STATE DISPUTE SETTLEMENT SYSTEM: MULTIFUNCTIONALITY VS. STRICT SPECIALIZATION

Olga A. Kiseleva

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2025 December 12

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2026 June 20

Keywords

Double-hatting, issue conflict, investment arbitration, independence, impartiality, arbitrator, legitimacy of arbitration, Investor-State Dispute Settlement system

The subject. In modern conditions, the problem of independence and impartiality of arbitrators within the decentralized, fragmented and largely ad hoc Investor-State Dispute Settlement (ISDS) system manifests itself in three main forms: issue conflict, repeat appointments, and double hatting. This article focuses on the latter phenomenon.

Methods. The research is based on traditional methods of system analysis, deduction and induction, as well as the study of international legal instruments, arbitral decisions and national court practice.

Main results. Investment arbitration, having inherited key features from international commercial arbitration – particularly the parties' right to appoint arbitrators – reveals specific complexities. Arbitrators are typically not full-time adjudicators and often combine this role with other professional activities. On the one hand, such duality ensures the availability of highly specialized expertise. On the other hand, it creates risks, as the only formal requirement for appointment is the parties' choice. The widespread practice of double hatting – simultaneously or sequentially acting as arbitrator, counsel, or expert – may undermine the principles of independence and impartiality, and ultimately the rule of law. Against this background, current ISDS reform discussions, including proposals for a permanent investment court, aim to reduce or eliminate role combination. However, the justification and usefulness of such reforms remain debatable.

Conclusions. States are increasingly focused on strengthening safeguards of arbitrators' independence and impartiality. This includes limiting double hatting, tightening eligibility criteria, refining appointment and challenge procedures, and enshrinement in international

law the duty of arbitrators to disclose relevant circumstances or decline appointments. At the same time, a new form of “moral capital” is emerging, reflected in the fact that arbitrators voluntarily renounce performing multiple roles.

1. Введение

Проблема обеспечения независимости и беспристрастности арбитров в международном механизме разрешения инвестиционных споров между инвесторами и государствами (далее – УСИГ) жизненно важна как для сторон спора, так и для легитимности инвестиционного арбитража в целом [1, р. 99]. Она возникает из одной фундаментальной черты любого арбитражного разбирательства – права стороны спора самостоятельно назначать своего арбитра в ситуации, когда спор уже возник. Однако именно благодаря специфике современного инвестиционного права и арбитражного рассмотрения инвестиционных споров эта проблема приобрела новые измерения и несвойственную для коммерческого арбитража (который рассматривает споры между компаниями) остроту.

В современных условиях проблема независимости и беспристрастности арбитров в рамках сложившейся децентрализованной, фрагментированной и ситуативной (характер *ad hoc*) системе УСИГ имеет три основных проявления: конфликт интересов (*issue conflict*); повторные назначения (*repeat appointments*), совмещение ролей (*double hatting*). Феномен совмещения ролей является одной из самых обсуждаемых тем в реформе системы УСИГ и относится к сфере этических вопросов [2, р. 104], подлежащих регулированию правом.

Суть данного явления можно кратко описать как возможность для частного лица выступать одновременно или последовательно в качестве арбитра, представителя сторон, эксперта-свидетеля и судебного секретаря в нескольких арбитражных разбирательствах [3, р. 322], советника третьей стороны, которая предоставляет финансирование для ведения арбитражного разбирательства, государственного чиновника, члена совета директоров корпорации, или лоббиста в рамках существующей системы УСИГ. С этим явлением тесно связана проблема вращающихся дверей (*revolving doors*), при которой представитель стороны выбирает арбитра, который в следующий раз, когда этот арбитр станет представителем стороны в другом споре, выберет предыдущего представителя уже в качестве арбитра [3, р. 322], что позволяет обоим представителям арбитражного сообщества обеспечивать постоянный спрос на свои услуги.

Рабочая группа III (далее – РГ III) Комиссии ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ) расценивает эту проблему как одну из ключевых в сфере обеспечения соблюдения принципа независимости и беспристрастности в системе УСИГ.

В отечественной литературе практически отсутствуют публикации на тему совмещения ролей, что смотрится резким контрастом в сравнении с массивом иностранных исследований, где практически единодушно она признаётся наиболее спорной и противоречивой [4, р. 49] и активно анализируется [3; 5–9].

2. Причины возникновения феномена

Совмещение ролей является распространенной практикой в международном коммерческом арбитраже, рассматривающим споры между компаниями, и даже может рассматриваться как несущая определенные выгоды сторонам, которые, отказываясь вполне осознанно от рассмотрения спора в национальных судах, ориентируются в первую очередь на квалификацию и специализацию выбранных ими юристов [10, с. 605].

В ситуации инвестиционного арбитража, который заимствовал от международного коммерческого арбитража *inter alia* право сторон самим назначать арбитров, этот вопрос выглядит не так однозначно в силу его несомненной специфики. Она проявляется в отсутствии единого универсального международного договора, регулирующего иностранные инвестиции, и вытекающей из этого высокой фрагментацией международного инвестиционного права, представленного более чем тремя тысячами двусторонних и региональных договоров о защите иностранных капиталовложений. Все эти договоры предусматривают разрешение споров создаваемыми *ad hoc* арбитражными трибуналами, а не единым постоянно действующим международным инвестиционным судом. То есть, мы говорим о высочайшей степени децентрализации и ситуационности международного правосудия, когда *ad hoc* характер арбитража подразумевает наличие другой постоянной работы у лиц, вовлеченных в арбитражное разбирательство.

На практике это привело к тому, что, в отличие от международных и национальных судов, где споры

рассматриваются профессиональными судьями, стороны в инвестиционных спорах выбирают арбитров из числа лиц, имеющих не только необходимую квалификацию, но и другую постоянную занятость. Чаще всего это юристы, работающие в частной практике, специалисты с опытом работы в государственных органах, бывшие судьи национального или международного уровня или ученые-юристы [11].

С одной стороны, например, ст. 14 Конвенции Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС), практически идентично Международному Суду (далее – МС) ООН, предъявляет требования к сфере профессиональных знаний и моральных качеств претендентам на роль арбитра с указанием на независимость и компетенцию в области права. С другой стороны, в существующей системе УСИГ можно констатировать, что для получения роли арбитра в споре нужно просто быть назначенным стороной, чей выбор именно этого специалиста определяется собственными соображениями и обычно не подвергается сомнению. По сути, арбитражу не требуется ничего, кроме того, чтобы сторона его назначила. Стороны могут отсеивать арбитров по любым критериям, которые имеют для них ценность с позиции эффективного ведения судебного состязания (*litigation*), что подтверждает тезис о свободе выбора арбитра в частных интересах. Исторически в этой сфере практически отсутствовал судебный надзор или формальные запреты [10, р. 608], которые позволяли бы разграничить роли и не допускать их совмещения в арбитражных разбирательствах.

Усугубляет ситуацию то, что роли арбитра и представителя стороны в арбитражном разбирательстве взаимозаменяемы с точки зрения необходимых навыков и объема компетенций.

Поэтому долгое время совмещение разных ролей в разбирательстве разных инвестиционных споров считалось в арбитражном сообществе признаком высочайшего престижа и экспертизы («виртуозности»), что повышало спрос на таких специалистов [12, р. 1345]. Юридические знания и сети контактов эффективно используются в обеих ипостасях [10, р. 602–603], как и в любых других ролях, потенциально выполняемых в процессе рассмотрения инвестиционного спора. При этом ни различные арбитражные правила (например, МЦУИС (*ICSID*), МТП

(*ICC*), Стокгольмского арбитража (*SCC*) и ЮНСИТРАЛ), ни Руководящие принципы *IBA* в международном арбитраже прямо не запрещают эту практику.

Всё это в совокупности формирует закрытый клуб с некой почти корпоративной арбитражной культурой (*arbitration culture*) [12, р. 1344], с перекрестными рекомендациями и назначениями. В этой связи красноречиво выглядит формулировка о приватизации международного инвестиционного права элитарным арбитражным сообществом [13, с. 102].

В результате международному арбитражному сообществу приходится в определенной степени полагаться на «саморегулирование» или «самоконтроль», чтобы свести к минимуму практику совмещения ролей в краткосрочной перспективе [3, с. 324].

3. Дихотомия последствий практики

Высказанные в доктрине опасения [14, р. 187; 15, р. 31] по вопросу распространенности практики совмещения ролей в системе УСИГ в конечном счете сводятся к подчеркиванию наличия серьезных рисков, связанных со стратегическим использованием совмещения ролей, когда достаточно последовательная правовая позиция специалиста, выраженная в качестве эксперта или представителя стороны в одном деле или в его научных изысканиях, оказывает влияние на содержание арбитражного решения в другом деле, где этот специалист выступает уже арбитром.

Существует риск того, что специалист, выступающий в одном деле в качестве арбитра, может пытаться включить в арбитражное решение результат или формулировки, которые он же может использовать в качестве представителя стороны при рассмотрении другого спора [3, р. 322].

Речь идет уже не о субъективной предвзятости конкретного арбитра в отношении конкретной стороны, а об объективной пристрастности, исключаящей не просто участие арбитра в конкретном споре, но саму уверенность сторон арбитража, что их основные процессуальные права не были нарушены. Это было отмечено и в процессе обсуждения формы инвестиционного арбитража в РГ III [16, р. 66]¹.

Таким способом формируется стратегическое поведение, которое направлено не на достижение истины в споре и правильное толкование норм международного и национального права, а на получение максимальной прибыли от квазикommerческой дея-

¹ Possible Reform of ISDS (UNCITRAL, 30.08.2018). URL: https://uncitral.un.org/en/working_groups/3/investor-state (дата обращения: 10.07.2025).

тельности членов арбитражного сообщества. Создаваемая в таких условиях практика воспринимается как предвзятая, что подрывает доверие государств к системе УСИГ [10, р. 605] и порождает сомнения в ее легитимности в целом.

Однако, учитывая характер инвестиционных споров, балансирующих между частными коммерческими интересами инвестора и публичными интересами государств, квалификационные требования к арбитрам в данной области не могут сводиться к поверхностной осведомленности. Требуется серьезная профессиональная вовлеченность и знание не только и не столько двусторонних инвестиционных договоров, но и общего международного публичного права. В этой связи высказанные в литературе опасения о том, что в результате запрета практики совмещения ролей будут доступны к назначению в качестве арбитров только самые наивные или некомпетентные специалисты [17, р. 25], выступают наиболее серьезным аргументом в пользу недопустимости полного тотального запрета этой практики и фокусировке на решении в виде установления определенного периода, в течение которого одно лицо не должно получать возможность быть назначенным в качестве арбитра, если оно выполняло представительские или иные функции в арбитраже. Это уже нашло частичное отражение в Кодексе поведения арбитров 2023 г.² Кроме того, после 1990-х гг. пул потенциальных инвестиционных арбитров значительно расширился (ввиду престижности), хотя в других областях, таких как международный коммерческий арбитраж, может наблюдаться нехватка квалифицированных арбитров [3, р. 323].

Другим аргументом против тотального запрета совмещения ролей является экономический: многие юристы, стремящиеся стать арбитрами, не могут оправдать отказ от своей юридической практики, когда нет гарантии, что в будущем появятся назначения на должности арбитров.

Отметим, что практика совмещения ролей может показаться достаточно безобидным профессиональным ростом, в частности от секретаря арбитражного трибунала до представителя стороны или даже

арбитра, но исследования указывают на наличие признаков существенного влияния такого совмещения на выводы в решении арбитражного трибунала в целом при рассмотрении инвестиционных споров [3]. Пример запретительного механизма практической директивы МС ООН 2002 г. (VIII) демонстрирует нам наличие понимания, что такое совмещение данными лицами может создавать ощущение пристрастности.

В МС ООН установлен запрет на совмещение ролей: ст. 17 Статута устанавливает, что никто из членов Суда не может исполнять обязанностей представителя, поверенного или адвоката ни в каком деле, а также не может участвовать в разрешении какого-либо дела, в котором он ранее участвовал в качестве представителя, поверенного или адвоката одной из сторон, или члена национального или международного суда, следственной комиссии или в каком-либо ином качестве. Так румынский судья Б.-Л. Ауреску (Bogdan-Lucian Aurescu), став членом Суда с 6 февраля 2024 г., воздержался от участия в процессе при рассмотрении вопроса об определении допустимости встречных исковых требований России к Украине в рамках дела по обвинению в геноциде³. Дело в том, что до назначения на данную должность он уже выступал в данном деле в качестве агента Румынии как одного из государств – интервентов в процессе⁴. Это согласуется с позицией председателя МС ООН А. Юсуфа, высказанной в 2018 и 2020 гг. в его выступлениях на Генеральной Ассамблее ООН [18]. Но, будучи с 2003 г. судьей МС ООН, судья П. Томка в 2020 г. назначен Китаем судьей арбитражного трибунала МЦУИС, рассматривающего иск, поданный против Китая японским инвестором *Macro Trading Co., Ltd.*, хотя в 2025 г. судья Томка подал в отставку из этого трибунала [18]. Такая практика совмещения ролей именуется «подработкой» (“moonlighting”) и вызывает множество дискуссий [19; 20].

Таким образом, несмотря на все положительные моменты совмещения ролей в системе УСИГ, на чаше весов оказывается более серьезный риск этического конфликта интересов и утраты легитимности всего процесса арбитражного рассмотрения инве-

² Кодекс поведения арбитров при урегулировании международных инвестиционных споров, подготовленный ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/en/coc_arb_r_1.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

³ Allegations of Genocide Under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation). Counter-Claims. 5 December 2025. Order.

URL: <https://icj-web.ileman.un-icc.cloud/sites/default/files/case-related/182/182-20251205-ord-01-00-en.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

⁴ Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation) // International Court of Justice: official web-site. URL: <https://www.icj-cij.org/case/182> (дата обращения: 10.12.2025).

стиционных споров. По сути, на кону правовая определенность в целом в виде риска отмены арбитражного решения или отказа в его исполнении.

Избранная в данном случае некоторыми арбитрами стратегия добровольного самоограничения в отношении развития своей собственной профессиональной карьеры представляется закономерной альтернативой и вполне может быть положена в основу правовых ограничений в рамках как постоянной, так и действующей в режиме *ad hoc* системы УСИГ.

Своеобразной тенденцией в мире арбитража становится практика опытных специалистов покидать свои крупные юридические фирмы и работать исключительно в качестве независимых арбитров, стремясь минимизировать конфликты интересов [17, р. 25]. В то время как некоторые арбитры, видимо, полагают отсутствующей проблему совмещения ролей и продолжают практиковать ее (например, Р. Вальтерра), другие, очевидно, воспринимают угрозу легитимности арбитражу в качестве удара по собственной репутации и сохраняют исключительно позиции арбитров, минимизируя практику представления интересов (К. Гринвуд, З. Дуглас, С. Александров и Э. Шварц) [10, р. 619].

Существует ряд примеров, когда проблема совмещения ролей становилась предметом официальных разбирательств. Один из которых связан с французским арбитром Э. Гайяром и делом *Telkom Malaysia* против Ганы, где он выступал в качестве назначенного истцом арбитра, а в деле *RFCC* против Марокко – в качестве адвоката истца в процедуре аннулирования в МЦУИС. Окружной суд Гааги обязал Гайяра выбрать, установив недопустимость такого совмещения. Гайяр выбрал роль арбитра.

В другом случае арбитр К. Томас, назначенный Канадой в деле по иску американского инвестора В. Галло, параллельно с участием в трибунале продолжал оказывать юридические услуги правительству Мексики в качестве независимого консультанта по вопросам инвестиционных договоров⁵. Хотя спор велся между американским инвестором и Канадой, Мексика являлась стороной Североамериканского соглашения о свободной торговле (*North American*

Free Trade Agreement, NAFTA), где по ст. 1128 Мексика имела право представлять трибуналу свои соображения по толкованию договора, что создавало потенциальный конфликт интересов. Инвестор подал заявление об отводе арбитра в 2009 г. Решение принимал заместитель генерального секретаря МЦУИС Н. Зиаде, который установил, что с точки зрения «разумного и информированного третьего лица» (стандарт Руководящих принципов *IBA*) возникают оправданные сомнения в беспристрастности арбитра, даже если Мексика фактически не вмешивалась в процесс, сама возможность такого участия в сочетании с консультационной ролью арбитра бросала на процесс «тень»⁶. Отвод не был удовлетворен немедленно, но арбитру было предложено выбрать одну из ролей. К. Томас принял решение уйти в отставку с поста арбитра, чтобы продолжить свою профессиональную деятельность в качестве консультанта.

4. Перспективы

В результате активизации использования международных инвестиционных соглашений странами Латинской Америки, внедрения инвестарбитражного механизма в рамках *NAFTA* и Договора энергетической хартии радикально изменился портрет потенциального ответчика в инвестиционных спорах: инвесторы получили возможность обращаться к вполне состоятельным государствам [21], в частности к государствам – членам Европейского Союза (далее – ЕС) [22, р. 233].

Становясь ответчиками в инвестиционных спорах, государства ЕС к реформированию системы УСИГ отнеслись с флагманским настроением⁷, вызывающим, пожалуй, самый большой интерес [23]. ЕС является одним из самых активных сторонников радикального решения проблемы *double hatting*, считая ее одной из главных причин кризиса легитимности системы УСИГ. В целом позиция ЕС эволюционировала от предложений жестких этических запретов в рамках существующих правил до идеи полного демонтажа системы *ad hoc* арбитража. В частности, в рамках РГ III ЕС предлагает создать постоянный международный инвестиционный суд [13], т. е. примени-

⁵ Arbitrator forced to choose in NAFTA dispute over thwarted Canadian garbage site // Investment Treaty News. December 4, 2009. URL: <https://www.iisd.org/itn/2009/12/04/arbitrator-forced-to-choose-in-nafta-dispute-over-thwarted-canadian-garbage-site/> (дата обращения: 10.07.2025).

⁶ Decision on the Challenge to Mr. J. Christopher Thomas, QC, in the Arbitration Vito G. Gallo v. Government of Canada. URL:

<https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0352.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

⁷ Проект рамочной конвенции об урегулировании международных инвестиционных споров A/CN.9/WG.III/WP.246; Проект устава постоянного механизма урегулирования международных инвестиционных споров A/CN.9/WG.III/WP.239.

тельно к вопросу совмещения ролей – заменить временных арбитров на постоянных штатных судей, назначенных государствами на длительный срок. Поскольку судьи будут работать на полной ставке с высокой оплатой, им будет запрещено заниматься любой другой профессиональной деятельностью (включая консультирование или представительство интересов сторон в других спорах). Такие институциональные решения полностью нивелируют проблему *double hatting*.

Пока создание международного инвестиционного суда обсуждается в рамках РГ III, ЕС активно занимается внедрением системы инвестиционного судебного механизма (ICS) в свои новые торговые соглашения, например с Канадой или Вьетнамом [1, р. 99]. Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (*Comprehensive Economic and Trade Agreement, CETA*) и Соглашение о защите инвестиций между ЕС и Вьетнамом (*EU-Vietnam Investment Protection Agreement, EVIPA*) являются самыми прогрессивными в вопросе борьбы с *double hatting*, это первые договоры, которые определяют новые правила, регулирующие личность, необходимую квалификацию и срок полномочий членов арбитражных судов, и даже двухуровневую систему инвестиционных трибуналов, эти договоры сигнализируют о сдвиге в сторону более открытой и судебной системы, подобной системам многих национальных правовых систем и Всемирной торговой организации [24, р. 625].

В рамках *EVIPA* из правового уравнения уходит вопрос о назначении арбитров сторонами, так как члены трибуналов назначаются не сторонами спора, а Комитетом ЕС–Вьетнам на фиксированный срок. Это само по себе снижает риск *double hatting*, так как судьи становятся частью постоянной структуры с заранее определенным статусом. Чтобы исключить финансовую зависимость судей от «потока дел» (что часто подталкивает к *double hatting* в системе УСИС), судьи в системе ЕС–Вьетнам получают ежемесячное вознаграждение (*retainer fee*), выплачиваемое сторонами договора, независимо от количества рассматриваемых дел.

В текстах соглашений ЕС говорится, что арбитры обязаны быть доступными в любое время и в кратчайшие сроки. Кроме того, в различных пунктах этих текстов описывается запрет на совмещение нескольких

должностей. Например, в ст. 8.30 *CETA* говорится, что после назначения они должны воздерживаться от действий в качестве адвоката или назначенного стороной эксперта или свидетеля в любом текущем или новом инвестиционном споре. В новом нидерландском Типовом двустороннем инвестиционном договоре (2019 г.) в ст. 20.5 закреплён строгий запрет на совмещение ролей, в частности члены трибунала не должны действовать в качестве юрисконсульта в настоящий момент или не должны совершать действия в качестве юрисконсульта в течение последних пяти лет в инвестиционных спорах по этому или любому другому международному договору.

Так осуществляется формирование строгих договорных стандартов этического поведения арбитров на уровне международных инвестиционных договоров и актов мягкого права, как, например, принятые в 2023 г. два документа: Кодекс поведения арбитров и Кодекс поведения судей при урегулировании международных инвестиционных споров⁸, ст. 4 которых содержат положения об ограничении на одновременное выполнение нескольких функций. По объективным причинам, ст. 4 Кодекса поведения арбитров шире, так как круг возможных совмещений требуется устанавливать более конкретно. Но общая мысль данных норм состоит в том, что арбитру / судье запрещается одновременно с исполнением данной функции посвящать себя иному занятию профессионального характера, а также устанавливается срок, в течение которого такое ограничение на совмещение сохраняется – это год и три года соответственно. При этом в случае с постоянно действующим судом из правила о совмещении может быть сделано исключение в соответствии с правилами данного механизма. Норма в отношении арбитров содержит разумные пределы ограничения, согласно которым нельзя совмещать роли в делах с той же мерой; той же или связанной с ним стороной; или теми же положениями того же документа о согласии (ст. 4(1)). Как будет осуществляться толкование данного положения на практике, можно будет отследить, но очевидно, что к вопросу совмещения ролей подход лояльнее не станет.

Однако недостаточно охвачены действующими инициативами ЕС и заслуживают отдельного внимания потенциально проблемные аспекты многократных назначений: вопросы периодов «охлаждения» и

⁸ URL: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/2318944_coc_judges_e-book_r.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

более тонкий вопрос – как квалифицировать совмещение. В частности, в случае назначения в состав постоянного инвестиционного суда, может ли специалист сохранить за собой статус сотрудника (учредителя) фирмы по представлению интересов в инвестиционных арбитражах, поскольку потенциальный конфликт интересов всё же остается в случае сохранения статуса.

Применительно к вопросу продолжительности установленных периодов «охлаждения» как до, так и после исполнения обязанностей по рассмотрению споров, на кон поставлены чрезвычайно разнообразные и важные интересы, среди которых: конфиденциальность; независимость и беспристрастность; репутация; право сторон на то, чтобы их оценивали высококвалифицированные специалисты; право арбитров на продвижение по карьерной лестнице и предотвращение чрезмерных ограничений, которые могут повлиять на финансовое положение арбитров или их пенсии [17, р. 32].

В опубликованном в мае 2015 г. документе французского правительства, поименованном *Towards a New Way to Settle Disputes Between States and Investors*, содержалось предложение пятилетнего *ex ante* и *ex post* периода (*quarantine periods*) [17, р. 32], что гораздо больше, чем закреплено в каких-либо современных договорах.

Закономерно, что ограничительное регулирование юридической деятельности, доступной арбитрам как до, так и после, а также в течение их мандата, приведет к постепенному появлению арбитров, специализирующихся исключительно на одной области профессиональной деятельности. Это может нивелировать достаточно длительный период охлаждения и будет означать сближение с перспективой ЕС, в рамках которой постоянный инвестиционный суд воспринимается как международная гражданская служба, где судьи не могут одновременно быть представителями сторон и наоборот. Такое разделение профессиональных траекторий повлияет на характер обязанности раскрытия информации, которая станет менее обременительной. То есть, чем больше профессиональных несовместимостей создает факт членства в постоянном суде, тем меньше обстоятельств потребуется раскрывать

любому, кто выбирает исключительно этот профессиональный путь. Эта корреляция станет более очевидной, когда недопустимые виды профессиональной деятельности будут установлены подробно, вместе с периодами «охлаждения» [17, р. 35].

5. Заключительные положения

Как и во всей системе международного правосудия, фокус государств сместился в сторону ужесточения требований к арбитрам для целей обеспечения их независимости и беспристрастности в самом широком значении этого принципа. Значительная роль в этом отводится ограничению существующей и вызывающей растущее беспокойство практики совмещения ролей в современном инвестиционном арбитраже. Для этого государства предпринимают усилия не только по нормативному ужесточению требований к кандидатурам арбитров и порядку из назначения / отвода, но и закреплению на уровне норм международного права обязанностей самих арбитров раскрывать информацию либо даже отказываться от назначения.

Все последние договоры с участием ЕС в части разрешения инвестиционных споров в той или иной степени затрагивают вопрос о недопустимости совмещения ролей, что является несомненно позитивным событием по сравнению с ранними инвестиционными соглашениями, в которых вопрос о возможности смены ролей прямо не рассматривается [17, р. 35]. Для ЕС борьба с *double hatting* представляет собой способ превратить «коммерческую» модель арбитража в «публичную» судебную модель, где арбитр перестает быть участником рынка юридических услуг и становится независимым международным служащим.

На данный момент система движется в сторону ужесточения правил, однако окончательный компромисс между полным запретом совмещения ролей и регулированием этого явления через раскрытие информации еще не достигнут государствами. При этом формируется новая категория морального капитала [3, р. 331] действующих арбитров, которая выражается в отказе со стороны арбитров от совмещения ролей, что становится важным сигналом их беспристрастности для потенциальных участников арбитражного рассмотрения инвестиционных споров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Simões F. D. Hold on to Your Hat! Issue Conflicts in the Investment Court System / F. D. Simões // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – 2018. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 98–116. – DOI: 10.1163/15718034-12341370.

2. Reinisch A. Conflict of Interest in International Investment Arbitration / A. Reinisch, C. Knahr // Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance / eds. A. Peters, L. Handschin. – Cambridge University Press, 2012. – P. 103–124.
3. Langford M. The Revolving Door in International Investment Arbitration / M. Langford, D. B. Runar, H. Lie // Journal of International Economic Law. – 2017. – Vol. 20, No. 2. – P. 301–332.
4. Sucharitkul V. The Ban on Double Hatting in Investment Arbitration: A Double-Edged Sword? / V. Sucharitkul // National Law School Business Law Review. – 2021. – Vol. 7, Iss. 2. – P. 44–72.
5. Berzero R. Arbitrator and Counsel: the Double-Hat Dilemma / R. Berzero, G. J. Horvath // Transnational Dispute Management. – 2013. – No. 4 : Ten Years of Transnational Dispute Management. – URL: <https://www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=1985> (дата обращения: 01.12.2026).
6. Tanwar M. K. Addressing the Inadequacies: A New Multi-Faceted Solution to Double Hatting in ISDS / M. K. Tanwar // LSE Law Review. – 2021. – Vol. 7, No. 1. – P. 115–165.
7. Burgos M. A. Double-hatting in international commercial arbitration? / M. A. Burgos // 40 under 40 International Arbitration (2018) / ed. C. González-Bueno. – Madrid : Dykinson, 2018. – P. 87–98.
8. Lévesque C. Canada's Pro-Ban Stance on Double-Hatting: Playing the Long Game in ISDS Reform? / C. Lévesque // Canadian Yearbook of International Law. – 2021. – Vol. 58. – P. 382–407.
9. Schiappa-Pietra G. Pasando el sombrero: una revisión del double-hatting desde la experiencia internacional y su influencia en la concentración de funciones dentro del circuito arbitral peruano / G. Schiappa-Pietra, J. Fuentes, D. Mejía // Advocatus. – 2023. – No. 43. – P. 335–346.
10. Langford M. The Changing Sociology of the Investment Arbitration Market: The Case of Double Hatting / M. Langford // Arbitration's Age of Enlightenment? / eds. C. Bull, L. Malintoppi, C. Partasides. – Kluwer Law International, 2023. – P. 591–621.
11. Costa J. A. F. Comparing WTO Panelists and ICSID Arbitrators: The Creation of International Legal Fields / J. A. F. Costa // Oñati Socio-Legal Series. – 2011. – Vol. 1, No. 4 : Socio-Legal Aspects of Adjudication of International Economic Disputes. – URL: <https://opo.iisj.net/index.php/ols/article/view/63>.
12. Ginsburg T. The Culture of Arbitration / T. Ginsburg // Vanderbilt Journal of Transnational Law. – 2003. – Vol. 3, Iss. 4. – P. 1335–1345.
13. Исполинов А. С. Международное инвестиционное право и механизмы разрешения инвестиционных споров в XXI веке / А. С. Исполинов // Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке : коллектив. моногр. – М. : BABT, 2025. – С. 94–110.
14. Giorgetti C. The Draft Code of Conduct for Adjudicators in Investor–State Dispute Settlement: A Low-hanging Fruit in the ISDS Reform Process / C. Giorgetti // Journal of International Dispute Settlement. – 2023. – Vol. 14, No. 2. – P. 176–191.
15. Sands P. Conflict and Conflicts in Investment Treaty Arbitration: Ethical Standards for Counsel / P. Sands // Contemporary Issues in International Arbitration and Mediation: The Fordham Papers / ed. A. Rovine. – Brill, 2012. – P. 28–49.
16. Devarakonda Y. Restricting Double-Hatting to Safeguard International Arbitrations / Y. Devarakonda // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. – 2022. – Vol. 22, No. 1. – P. 65–94.
17. Fach Gómez K. The Duty of Disclosure: An Overview / K. Fach Gómez // Fach Gómez K. Key Duties of International Investment Arbitrators: a Transnational Study of Legal and Ethical Dilemmas / K. Fach Gómez. – Springer, 2019. – P. 25–77. – DOI: 10.1007/978-3-319-98128-4_2.
18. Киселева О. А. Практика самоотводов и отводов судей Международного Суда / О. А. Киселева // Журнал ВШЭ по международному праву. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 42–51. – DOI: 10.17323/jil.2024.23987.
19. Vantrees A. A Review of “Moonlighting” ICJ Judges and the International Call for Impartiality in Investor-State Dispute Resolution / A. Vantrees // World Arbitration and Mediation Review. – 2018. – Vol. 12, No. 4. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/publication/en-a-review-of-moonlighting-icj-judges-and-the-international-call-for-impartiality-in-investor-state-dispute-resolution> (дата обращения: 01.12.2026).
20. Giemza W. Moonlighting Revisited: International Court of Justice Judges as Adjudicators in Investment Arbitration / W. Giemza // African Journal of International Economic Law. – 2024. – Vol. 4. – P. 4–28.
21. Исполинов А. С. Куда идет современный международный инвестиционный арбитраж / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 80–96.

22. Titi C. Who's Afraid of Reform? Beware the Risk of Fragmentation / C. Titi // *AJIL Unbound*. – 2018. – Vol. 112. – P. 232–236.

23. Пименова С. Д. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы / С. Д. Пименова // *Международное правосудие*. – 2018. – № 4 (28). – С. 113–125.

24. Sardinha E. The New EU-Led Approach to Investor-State Arbitration: The Investment Tribunal System in the Comprehensive Economic Trade Agreement (CETA) and the EU–Vietnam Free Trade Agreement / E. Sardinha // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 2017. – Vol. 32, Iss. 3. – P. 625–672.

REFERENCES

1. Simões F.D. Hold on to Your Hat! Issue Conflicts in the Investment Court System. *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*, 2018, vol. 17, iss. 1, pp. 98–116. DOI: 10.1163/15718034-12341370.

2. Reinisch A., Knahr C. Conflict of Interest in International Investment Arbitration, in: Peters A., Handschin L. (eds.). *Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance*, Cambridge University Press, 2012, pp. 103–124.

3. Langford M., Runar D.B., Lie H. The Revolving Door in International Investment Arbitration. *Journal of International Economic Law*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 301–332.

4. Sucharitkul V. The Ban on Double Hatting in Investment Arbitration: A Double-Edged Sword?. *National Law School Business Law Review*, 2021, vol. 7, iss. 2, pp. 44–72.

5. Berzero R., Horvath G.J. Arbitrator and Counsel: the Double-Hat Dilemma. *Transnational Dispute Management*, 2013, no. 4: Ten Years of Transnational Dispute Management, available at: <https://www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=1985> (accessed: December 1, 2025).

6. Tanwar M.K. Addressing the Inadequacies: A New Multi-Faceted Solution to Double Hatting in ISDS. *LSE Law Review*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 115–165.

7. Burgos M.A. Double-hatting in international commercial arbitration?, in: González-Bueno C. (ed.). *40 under 40 International Arbitration (2018)*, Madrid, Dykinson Publ., 2018, pp. 87–98.

8. Lévesque C. Canada's Pro-Ban Stance on Double-Hatting: Playing the Long Game in ISDS Reform?. *Canadian Yearbook of International Law*, 2021, vol. 58, pp. 382–407.

9. Schiappa-Pietra G., Fuentes J., Mejía D. Pasando el sombrero: una revisión del double-hatting desde la experiencia internacional y su influencia en la concentración de funciones dentro del circuito arbitral peruano. *Advocatus*, 2023, no. 43, pp. 335–346. (In Spanish).

10. Langford M. The Changing Sociology of the Investment Arbitration Market: The Case of Double Hatting, in: Bull C., Malintoppi L., Partasides C. (eds.). *Arbitration's Age of Enlightenment?*, Kluwer Law International Publ., 2023, pp. 591–621.

11. Costa J.A.F. Comparing WTO Panelists and ICSID Arbitrators: The Creation of International Legal Fields. *Oñati Socio-Legal Series*, 2011, vol. 1, no. 4: Socio-Legal Aspects of Adjudication of International Economic Disputes, available at: <https://opo.iisj.net/index.php/osls/article/view/63>.

12. Ginsburg T. The Culture of Arbitration. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2003, vol. 3, iss. 4, pp. 1335–1345.

13. Ispolinov A.S. International Investment Law and Investment Dispute Resolution Mechanisms in the 21st Century, in: *Prognozy razvitiya mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava i mezhdunarodnogo pravoporyadka v XXI veke*, Collective Monograph, Moscow, All-Russian Academy of Foreign Trade Publ., 2025, pp. 94–110. (In Russ.).

14. Giorgetti C. The Draft Code of Conduct for Adjudicators in Investor – State Dispute Settlement: A Low-hanging Fruit in the ISDS Reform Process. *Journal of International Dispute Settlement*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 176–191.

15. Sands P. Conflict and Conflicts in Investment Treaty Arbitration: Ethical Standards for Counsel, in: Rovine A. (ed.). *Contemporary Issues in International Arbitration and Mediation: The Fordham Papers*, Brill Publ., 2012, pp. 28–49.

16. Devarakonda Y. Restricting Double-Hatting to Safeguard International Arbitrations. *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 65–94.

17. Fach Gómez K. The Duty of Disclosure: An Overview, in: Fach Gómez K. *Key Duties of International Investment Arbitrators: a Transnational Study of Legal and Ethical Dilemmas*, Springer Publ., 2019, pp. 25–77. DOI: 10.1007/978-3-319-98128-4_2.

18. Kiseleva O. The Practice of Self-Recusal and Recusal of Judges of the International Court of Justice. *Zhurnal VShE po mezhdunarodnomu pravu = HSE University Journal of International Law*, 2024, vol. 2, no. 3, pp. 42–51. DOI: 10.17323/jil.2024.23987. (In Russ.).

19. Vantrees A. A Review of “Moonlighting” ICJ Judges and the International Call for Impartiality in Investor-State Dispute Resolution. *World Arbitration and Mediation Review*, 2018, vol. 12, no. 4, available at: URL: <https://jsumundi.com/en/document/publication/en-a-review-of-moonlighting-icj-judges-and-the-international-call-for-impartiality-in-investor-state-dispute-resolution> (accessed: December 1, 2025).

20. Gienza W. Moonlighting Revisited: International Court of Justice Judges as Adjudicators in Investment Arbitration. *African Journal of International Economic Law*, 2024, vol. 4, pp. 4–28.

21. Ispolinov A.S. Where is the present investment arbitration heading toward?. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2015, no. 3, pp. 80–96. (In Russ.).

22. Titi C. Who’s Afraid of Reform? Beware the Risk of Fragmentation. *AJIL Unbound*, 2018, vol. 112, pp. 232–236.

23. Pimenova S. Investment arbitration reform in the eyes of the European Union: problems and perspectives. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International justice*, 2018, no. 4 (28), pp. 113–125. (In Russ.).

24. Sardinha E. The New EU-Led Approach to Investor-State Arbitration: The Investment Tribunal System in the Comprehensive Economic Trade Agreement (CETA) and the EU–Vietnam Free Trade Agreement. *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*, 2017, vol. 32, iss. 3, pp. 625–672.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0448-8253
ResearcherID: HII-9133-2022
SPIN-код РИНЦ: 4518-6008

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga A. Kiseleva – PhD in Law, Associate Professor,
Department of International Law
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034,
Russia
E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0448-8253
ResearcherID: HII-9133-2022
RSCI SPIN-code: 4518-6008

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киселева О.А. Ролевые игры в системе разрешения инвестиционных споров между инвесторами и государствами: многофункциональность или жесткая специализация / О.А. Киселева // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 2. – С. 157–166. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).157-166.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kiseleva O.A. Double-hatting in the Investor-State Dispute Settlement system: multifunctionality vs. strict specialization. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 2, pp. 157–166. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).157-166. (In Russ.).